

N 151. Cope, 2 June 1944 min.

ANSWER *It is proposed to construct a new
series of storage tanks underground.*

The following figures tell us
how many of the children in each school are
of foreign birth. In the first, the first figure
is the number of foreign children, the second
is the total number of children in the school.

問題四：誰對抗地主階級？

анія

WIPER

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ + ЛИТЕРАТУРНАЯ

N 15L Cross 2 (cont'd) 1994 (cont'd)

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ

Our first concern is to make the most complete
and effective use of our resources. We believe that the
best way to do this is to have a single, well-organized
International Organization, representing all countries,
which can plan and coordinate the use of our
resources.

Chrysanthemum coronarium L. (syn. *C. indicum* L.) is a common annual or biennial plant, widely distributed in warm temperate regions. It is cultivated in India as a decorative plant, and its flowers are used in the preparation of perfumes. The plant has a fibrous root system and grows up to 1 m. tall. The leaves are opposite, lanceolate, and deeply lobed. The flowers are yellow, with numerous petals, and are arranged in cymes at the ends of the branches. The fruit is a capsule containing many small seeds.

Чеховское наследство.

«Я презираю ваши книги, презираю все блага мира и мудрость». «Все эти читальни, брешно, прилично и обманчиво, такъ язвятъ. Смерть сократить вѣсъ лица земли заставитьъ подполными мышами. Исторія, бесмертіе ванить геніевъ заморозить или спорить вѣчностьъ земныхъ шаровъ». (Пары). Такъ пишутъ молодой юристъ, заключивший пару съ бакалавромъ: «я презираю свободу и жизнь, здоровье и богатство».

«Не нужно жѣти ни цепи, ни съда, ни особыхъ языковъ, ни гостей, ни твоего приданаго», — говорить женъ молодой земецъ. (Ичайки).

«Наша жизнь и загробный міръ одинаково исполнены и страшны... Я не поникаю въ боязнь жизни... Жѣть все страшно... Я не способенъ различать, что правда и ложь... Я не поникаю, что я зачѣмъ и дляъ... Если цѣль жизни въ нуждѣ и страданіи, то исполните, потому и для чего нужна эта инквизиція» — такъ извѣдѣется интеллигентъ въ романѣ «Страхъ».

«Въ монду сужденийъ нѣтъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка» — дѣлаетъ признаніе профессоръ изъ «Скульптурной исторіи».

Но съ особенной силой трагедія русской большой мысли и пола раскрыта Чеховскимъ въ Пазатѣ № 6, рассказѣ, создавшемъ ему славу. Въ этомъ чеховскомъ шедеврѣ, начинавшемся за 30 лѣтъ до «Вѣхъ», угадаю я изображеніе поразительныхъ чертами крушніе русской интелигентіи.

Беспорядочное, нескладное поэтурри изъ старыхъ, тѣда еще недопытать, именъ получается изъ рѣчей интеллигентія Гронова, горихъ и спастихъ рѣчей о подозрѣ и позадѣ, о рѣщихъ тѣоріи и о прекрасной жизни, такая современница будущихъ, «черезъ 200 лѣтъ жизнь будетъ изумительно прекрасна».

А поэта Андрея Ефимовича, говорящаго о томъ, что людимъ не надо убивать умирать, такъ какъ смерть естественный и нормальный конецъ каждого; что облегчать страданіи дѣйствіемъ безымянно, такъ какъ страданіи ведутъ человѣка къ совершенству. И жаль, опять тѣ же настойчиво звучавшіе жалобы на утрату всѣхъ мыслящихъ героеvъ чеховскаго произведения: «зато было извлекать изъ небытия человѣка и потому, словно въ вагонѣ, превращать его изъ глины? Только тѣлько можетъ утѣшить себя тѣлько, что тѣлько это будетъ современникъ жить въ трахѣ, хамѣ и жѣбѣ».

Ничего изъ 91

шага, большую фантазіи, обретенные губели и обрекающіе на гибель, или маюючи.

Разладъ между мыслию, словомъ и дѣйствіемъ часто приводитъ виновника Человѣка.

Или болтовня, или антепки и николы — и все это не то, не настоящее — путь выходитъ изъ его картины.

Жизнь правильныхъ классовъ тоска, скуча и поганость. Жизнь деревенская — невѣжество, враждь, жестокость и бесстыдница.

А искусство? Чеховъ, служитель искусства самъ, изъ разсказа «Ноопрыгунъ» изобразилъ артиста искусства такъ, что Толстой охотно поднялся бы видѣть этого разсказчика. «Служить искусству, дляѣмъ изъ него профессію», — говорить самъ Чеховъ, — это все равно, что заниматься проституціей. Профессія проститутки правится вѣѣ; та же профессія художника во всѣхъ отрасляхъ — извѣстна».

И по разному противорѣчію есть художники, противорѣчію съ собой изъ союза: «Должъ съ жизнью покончить». Человѣкъ ставить конецъ изъ проклятия вопросомъ: о труде и созерцаніи. Человѣкъ художникъ решаетъ вопросъ по библейски: трудъ во всѣхъ его видахъ — есть прославленіе, счастье человѣка изъ наслажденія созерцаніемъ красоты и изъ передачи наслажденія другому. Игра, забава, радость — изъ этого все, а школы, антепки, бабушки, заводы, промышленность, земледѣліе и вся эта садовничая категорія, какъ и трудъ тѣлько называемыхъ свободныхъ профессій — прославленіе. Художникъ воскликнѣтъ: «Я не хочу работать и не буду, пусть все проклятія на тартарарахъ!»

Бранда къ техническому прогрессу, налагавшему на людей новые виды труда, подъ именемъ Чеховскаго и изъ писахъ: крестикъ не хотятъ новаго места, не хотятъ желѣзной зороти, и изъ мысльности въ неѣжности склоняютъ звериное желаніе покоя.

Созерцаніе — радость, трудъ — прославленіе.

И уже смыслъ трагической поэты звучать изъ одновѣкъ изъ послѣднихъ чеховскихъ разсказовъ «Крамскойникъ»: «счастья быть и не должно это быть». Смысла и иль жизни не въ наименьшемъ счастливъ». — Въ чёмъ же? Отътѣсть, а есть старый сонъ: дѣлайтѣ добро.

Дѣлайте добро, не уставай, а также приходить смерть — избѣгнѣніца: «Мы увидимъ ангеловъ, увидимъ небо въ алчности. Мы отдохнемъ».

Такое наслажденіе оставилъ самъ Чеховъ. Но извѣдъ онъ выхода изъ турника земныхъ занятий. Иначе

Народу съ Обложеки есть у Чехова в сюжет Штольц, фоль-Борец из рассказа «Дуэль». Ни настолько великолепен его антипод Ласковый, настолько неудачна социальная фигура фоль-Борца. Правда, фоль-Борец — идемец, въ этом — отражение чужеской мудрости; Штольц тоже идемец, и у Гоголя это одно из самых неудачных лиц, зато Ласковый съ стѣнами галереи о Нечорной, Базы, Базаровѣ и Свирскѣ, съ его выразительностью, разработкой и картикой игрой — фигура, выпущенная изъ бронзы на века вѣковъ — путь, пройденный воиномъ интеллигентіи до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и сейчасъ еще незавершенный.

Теорія нравственного закона, которую проповѣдуетъ фоль-Борецъ — нечто отъ инцидентовъ — настолько претворимо русской психологической моментальностью, построено на чувствахъ жадости, что Чеховъ во концѣ повѣсти дѣлаетъ услугу и заставляетъ Борца, сознательно желавшаго уничтожить Ласкового, протянуть ему руку примиренія и испытатьъ съ нему чувство жадости и состраданія.

Въ «Рассказѣ нежиганского человека» Чеховъ раскрываетъ то, что въсходитъ изъ красного десятилѣтія постъ 1905 года — художественный раздѣлъ душевнаго нашихъ революционеръ-интеллигентовъ, изображенный тѣмъ арко Родзинскимъ въ романѣ «То, чѣмъ все было». Революціонеръ поселяется въ ка-
чествѣ лаза у юного петербургскаго чиновника съ цѣлью убить его отца, революционера-министра, и не только тѣ убываетъ изъ окна, но съ уласами приходится тѣ убийствамъ, что потерпѣть быту въ дѣло революціи, что дѣло это — нечесто, безжалостно и беспощадно, что все эти идеи, терроръ, взрывательство слабаго человѣка съ цѣлью возвратить юродивой струй въ взволненіи тихою разрушительную звонкую на «правиль-
нѣ» кути — только безжалостная потуга жаждаго черна. А движенія хаскъ, когда они зачинаются въ гимназіи развертываются стихийно — тѣсъ эта событія не подчиняются парижу, Лондону, Робеспьеру, призываю съ пѣнкой уста о всемобщемъ счастьѣ и посылаючи на смерть сотни тысячъ, или жажде, возум-

рующей жизни. Проще десять лѣтъ. Въ ходъ какъ будто хлынула передъ нами, какъ будто проторились двери. И суть мы спать въ тунисѣ. Если жизнь вообще тунисъ, то русская жизнь — тунисъ съ тунисомъ. И потому Чеховъ правъ и неправъ. Правъ, поскольку рѣшилъ задорогъ вопросъ о смыслѣ жизни, который никогда неизѣтъ, неправъ, поскольку сомнѣвался въ томъ, что можно выйти изъ русского туниса на болѣе широкую улицу жизни.

По стилю изрѣзанія обѣдника: сеть умереть въ 1904 году. Черезъ смерть сеть должна быть коринтъ паролей изъ прука и, ушибшись своей жизнью ульбкой, говорить, что она осуществила свою задачу паролей — дала куль конституцію.

Его больше сплѣнѣніи предшественникъ, Галтыковъ, говорилъ, что конституція нужна не парасатъ, а гимнъ, но не вѣлья: большинству туниса сопровожданіе съ хрѣвочь. Не будешь обращаться къ истревѣннымъ словамъ — до вѣчнаго дѣла.

Заключимъ эти заѣтки словахъ гениальнаго юмориста, которому въ текущемъ году исполнится 100 лѣтъ: Лермонтовъ страстно желаетъ и выражаетъ это желаніе въ своей «Душе», чтобы русская болѣзнь хисса и болѣе, чтобы пристрастиа русской души исчезли навсегда. Тоска его выражается въ строкахъ, которая забыть нельзя:

И хисъ ужъ нась тонить, какъ розовый
путь бѣзъ ильи,
Какъ виръ изъ празднѣнія чукомъ...

Надъ виромъ мы пройдѣть бѣзъ ильи и
слья,
Не браскими вѣсами, ни зицами изодвинтой.
На гемисѣль зашатаю труда...

И прасть зашь съ горючью суды и гранда-
низа
Поточень скорбѣть преризательничъ сти-
хомъ:

Насыпѣнной горючю обманутаго сыза
Надъ промотавшимъ отцомъ.
Неужели же каждое русское воспитаніе —
обманутый сынъ, а вѣтъ времѣнѣнія вол-
нѣніе для вѣчныхъ — промочавшійся отцы?
Такъ было до сихъ поръ.

М. ВЛАДИМИРОВЪ.